

Сборник «Эволюция ценностей в языках и культурах» был подготовлен и опубликован (правда, совсем небольшим тиражом в 80 экземпляров) в рамках исследовательской программы Президиума РАН (2008–2011). Большая часть содержащихся в нем работ написана представителями Московского семиотического круга и Люблинской школы этнолингвистики. Опубликованные в сборнике статьи тематически разнородны: как отмечает в предисловии И.А. Седакова, они «посвящены... разным ценностным концептам в разные эпохи и основываются на разном материале» (с. 4), в том числе, и на материале разных языков: русского, польского, южнославянских, итальянского... К тому же опубликованные исследования носят интердисциплинарный характер «с применением социолингвистических, этнолингвистических, социологических, литературоведческих и культурологических методов» (там же). Предисловие заканчивается констатацией того, что иерархия ценностей очень динамична, и высказывается предположение, что, «возможно, аксиологическая картина значительно изменится вместе с изменениями политической жизни в стране и ростом протестных настроений в обществе¹ и получит новое содержание и новую прагматику» (с. 6).

¹ Имеются в виду события декабря 2011 года в России, только начавшие развиваться на момент сдачи книги в типографию. – Е.В.

В открывающей сборник статье И.А. Седиковой «Метаморфозы социокультурных ценностей: Вводные замечания» снова подчеркивается, что ценности – категории переменные, меняющиеся в зависимости от самых разных факторов (религиозных, политических, идеологических, гендерных, возрастных и т. д.). По мнению автора, одной из отличительных особенностей современной «картины ценностей» является то, что она разительно отличается от пропагандировавшейся еще около тридцати лет назад, что порой приводит к ощущению размытости ценностных ориентиров и возникающему в связи с этим у людей чувству неуверенности. С другой стороны, меняются не только ценности, но и «их репрезентации и способы их подачи» (с. 8), а также оценочные коннотации лексики (как подчеркивает И.А. Седиков, «ценность может выступать синонимом концепта» [с. 10]). Эти положения общетеоретического характера иллюстрируются в статье на примере эволюции интерпретации концептов *старость* и *аппетит* в «современной картине мира» в сравнении с «традиционной» (с. 11): так, если «[в] традиционном обществе старость воспринимается как логическое развитие, естественный процесс, идти наперекор которому считалось невозможным», то в современном обществе, напротив, «наблюдается геронтофобия... старость воспринимается как болезнь, неестественное состояние, деградация, и ей объявлена война, что особенно от-

кровенно проявляется в рекламе» (с. 12). То же относится и к понятию *appetitus*: если в «традиционном» обществе, ассоциируясь с работоспособностью, здоровьем и красотой, *appetitus* только приветствовался, «современное» общество объявило ему – как и *старости* – войну (с. 15–16).

Остальные представленные в сборнике статьи сгруппированы по трем разделам. Первый из них открывает статья «Толерантность и ее значимость для XXI века», написанная одним из основателей Московского семиотического круга Вяч.Вс. Ивановым и посвященная истории формирования принципа толерантности, «главным вехам подхода к нему у мыслителей последних столетий и преломлении этих идей в новейшей литературе» (с. 19). Как подчеркивает исследователь, «современный подход к толерантности основан на понятии *диалога*» (там же), соотношения «Я» и «Ты» – в связи с чем он обращается, в частности, к анализу работ Л. Фейербаха и М. Бубера, М. Бахтина и Г. Когена. «Проблема толерантности и терпимости в отношениях между людьми и группами людей (расовыми, этническими, национальными, классовыми, партийными, кастовыми, религиозными) становится все более жгучей», – пишет Вяч.Вс. Иванов (с. 23). Излагая затем свои мысли по поводу актуальности самого понятия *толерантности*, исследователь одновременно задается и вопросом о том, в какой степени его соображения «могут оказаться практически применимыми» (с. 29). По его мнению, среди проблем, которые в принципе необходимо затронуть при серьезном освещении вопроса о толерантности, – проблема «порога толерантности» (там же), а также проблема организации борьбы за толерантность, связанная с вопросом о языке: «[Н]а каком языке сегодня нужно говорить о толерантности, чтобы быть понятым максимальным числом читателей в разных странах» (с. 33)?

В этой же части книги опубликована статья Н.Н. Запольской «*Спасение, любовь, милосердие*: К вопросу о языковом моделировании культурных ценностей». Н.Н. Запольская обращается к трем соответствующим базовым ценностным категориям, особенно настаивая в связи с их анализом на сосуществовании и конкуренции в России церковной и секулярной аксиологий.

Две другие работы, представленные в этом разделе, – польских исследователей Е. Бартминьского и С. Небжеговской-Бартминьской – впервые публикуются по-русски (по-польски они были опубликованы в 2003 и в 1996 гг. соответственно). Е. Бартминьский обсуждает в своей статье «[м]есто ценностей в языковой картине мира», а его люблинская коллега –

«[к]онститутивные ценности польского народного сонника». В статье Е. Бартминьского анализируется само понятие *языковой картины мира* (см., например, с. 54 и сл.) и приводятся аргументы в пользу того, что «языковая картина мира... зависит (производна) от фиксированной, явным или скрытым образом, системы ценностей. Они связаны с точкой зрения и перспективой взгляда на мир. Ценности являются фактором, который управляет построением видения действительности через опытный (экспериментер) и концептуализирующий субъект, т. е. через сообщество носителей языка или единицу творения, таким образом формируя фактор, интегрирующий элементы языковой картины мира, приняты[е] в традиции. В результате ценности определяют культурную и общественную тождественность носителя языка» (с. 55). Однако, как подчеркивает польский исследователь, «[т]о, что ценности представляют собой обязательный, релевантный элемент языка и языковой картины мира... не означает, что все в языке аксиологически одинаково маркировано, а означает лишь то, что ценности всегда каким-то образом присутствуют в языке» (там же). Статья Е. Бартминьского особенно интересна еще и потому, что в ней обсуждаются разные концептуальные наполнения ключевого для данного сборника понятия *ценность*: в том числе, *ценность* в аксиологическом понимании и *ценность* в смысле сосюррианского понятия *valeur* (с. 69–70). Кроме того, как отмечает автор, говоря о ценностях, в данной статье он сам имеет в виду прежде всего «то, что в свете языка и культуры люди считают ценным», и не обращается при этом «к общей типологии ценностей и разделению на ценности абсолютные и субъективные, декларированные или приобретенные из опыта» (с. 53). Исследователя больше интересуют «характеристики вещей и сами вещи, в том числе понятийные сущности, положения, состояния и ситуации, правила, функционирующие как “идеи-проводники”, являющиеся предметом стремлений или желания обладать, мотивирующие состояния и положения людей, также вдохновляющие их на определенную деятельность» (с. 53–54). «Можно сказать, – подчеркивает Е. Бартминьский, – что я понимаю ценности в рамках народной философии» (там же). В статье С. Небжеговской-Бартминьской описывается следующая (семиотическая) особенность сонников как собрания фольклорных текстов особого жанра: «один и тот же образ может оцениваться [в них] различно» (с. 82). К примеру, сон об *огне* в польском народном соннике может толковаться как позитивно («солнце», «радость» и т. д.), так и негативно («плохой человек», «хлопоты» и т. д.), что «со-

ответствует сложности стереотипа огня в народной культуре...» (с. 83). Поэтому, как считает польская исследовательница, «основой, на которую опирается толкование и заключенная в нем оценка, перестает быть сам предмет, а становится признак этого предмета, эксплицируемый при помощи прилагательного» (с. 84).

Некоторые представленные в книге исследования имеют, как полагает ее редактор (см. «Предисловие»), «более ярко выраженную социолингвистическую направленность» (с. 5): это прежде всего работа М.А. Осиповой «Ценности, деньги и дискурс» и статья исследовательницы из Ленинграда и Хайфы М. Еленевской «Дорогие наши столицы: образ российского мегаполиса в Рунете». Анализируя концепт *деньги*, автор первой статьи приходит к выводу о том, что «в жизнедеятельности россиян сформировался типовой смысловой конструкт “ведущее к деньгам (включающее деньги); то, к чему следует стремиться; хорошее” в противопоставлении “не ведущее к деньгам (не включающее деньги); то, к чему не следует стремиться; плохое”» (с. 98). М. Еленевская же исследует представление оживившейся в Рунете в последнее время дискуссии о Москве и Петербурге – городах, противопоставляемых по целому ряду признаков. К статьям М.А. Осиповой и М. Еленевской примыкают в сборнике статьи С.А. Сидневой и М.М. Макарецва. В первой работе, озаглавленной «Концепты *dolce vita* и *dolce far niente* в русской лингвокультуре», в свете общей проблемы заимствования обсуждаются, соответственно, «сладкая жизнь» и «сладкое ничегонеделанье». При этом автор приходит к выводу, что последний концепт может являться частью первого, однако «“сладкое ничегонеделанье” представлено как позитивный феномен», тогда как «[к]онцепт *dolce vita* как ценность имеет неоднозначную трактовку» (с. 148). В статье М.М. Макарецва «Проблема идентичности и система ценностей у носителей славянского говора *in statu moriendi*» говорится, в частности, о ценности «малого языка» в связи с проблемой идентичности у носителей современного островного славянского говора в селе Бобоштица в Албании; подчеркивается, что именно язык как одна из базовых ценностей жителей Бобоштицы (речь в статье заходит также о религии, образовании, чувстве и образе родины – родного села) подвергается в последнее время наиболее очевидным изменениям: из средства коммуникации этот язык (называемый македонским / болгарским / славянским / *кайнас* [с. 152]) постепенно превращается в знак идентичности (с. 167).

В последней части сборника объединены статьи, посвященные ценностям в «лагерной» прозе: это исследование И.А. Седаковой «Ак-

сиологический статус вещи (по материалам книги Е. Гинзбург “Крутой маршрут”)), а также статья-комментарий и «заметки» Т.М. Николаевой («Эволюция ценностей в экстремальных условиях. Комментарий к воспоминаниям Валентины Леонидовны Горбуновой (Номикос)» и «Воспоминания В.Л. Горбуновой (Номикос). Заметки публикатора» соответственно) к публикуемым ею «лагерным» мемуарам ее тети «Воспоминания о тюрьме и лагере (март 1937 – июнь 1945)». В работе И.А. Седаковой особое внимание обращается на контрастность предметов в двух мирах (на свободе – в заключении) в прозе Е. Гинзбург, причем соответствующие оппозиции рассматриваются в свете основополагающей аксиологической пары «жизнь – смерть» (с. 172), а также в свете других противопоставлений («свое – чужое», «позитивное – негативное» и т. д.). Оппозиция двух миров (свобода – заключение) проходит красной нитью и через весь текст В.Л. Горбуновой. Комментируя ее воспоминания, Т.М. Николаева делает акцент на типологии эволюции ценностей при полном изменении образа жизни человека в ГУЛАГе; ценности при этом подразделяются на а) вечные или неизменяемые (по крайней мере, для одного человека), б) появившиеся новые, в) прежние и потерявшие свое значение и г) прежние «минимизированные», которые в условиях заключения вышли вдруг на одно из первых мест (с. 185).

Как можно видеть, при всем разнообразии содержания опубликованных в сборнике исследований их объединяют рассуждения большинства их авторов о *картине мира*. Однако в большинстве статей (см., правда, выше о статье Е. Бартминьского как исключении из этого общего правила) этот концепт присутствует как изначально данный, он несколько не ставится под сомнение и никак не определяется – как и такие понятия, как *ключевые слова культуры, ценности* или *стереотипы* (отношения между двумя последними не всегда эксплицируются). Большинство авторов настаивают на изменении *картины мира* во времени – однако иногда рассуждают о «русской лингвокультуре» в целом, обращаясь в качестве источников как к текстам современной рекламы и «наименованиям фирм и организаций», так и к художественной литературе XIX века (с. 135–136). И если можно согласиться с утверждением М.А. Осиповой о том, что «о языковой картине мира обычно говорят в связи с лексикой» (с. 93), не будет ли противоречить самому понятию *картины мира* утверждение, что «[с]мысловые конструкты никогда не будут равнозначны для всех представителей одной культуры» (с. 99)? В одной из статей сборника «концептология», предполагающая обращение к *картине мира*,

называется «одним из наиболее актуальных направлений лингвистики» (с. 135). Последнее утверждение, конечно, требует уточнений, ведь есть страны и целые лингвистические «традиции», где «концептология» вообще не привлекает к себе внимания языковедов. Точно так же вряд ли можно согласиться с утверждениями о том, что «сегодня в центре внимания лингвистов находится дискурс» (с. 92) или о том, что «традиционно лингвисты говорят об оценке, социологи – о ценностях, а социальные психологи – об аттитюдах» (с. 93): идет ли, опять-таки, в данном случае речь вообще обо *всех*, в том числе и «традиционных» лингвистах?..

С другой стороны, большинство опубликованных в сборнике исследований объединяет – и это отмечается в предисловии – их «доминирующий метод», который определяется как «семиотический», предполагающий в данном случае использование бинарных оппозиций как «методологического приема» (с. 4). Так, уже в первой статье сборника И.А. Седакова отмечает, что для «оценки ценности» очень важно понятие *нормы*, тогда как любое отклонение может считаться антиценностью (оппозиция «норма – отклонение от нормы» [с. 15]); на некоторые «традиционные для русской культуры бинарные оппозиции» указывает и Вяч.Вс. Иванов (с. 35). В статье Н.Н. Запольской противопоставлены церковная и секулярная культуры, а в исследовании М. Еленевской по ряду признаков противопоставляются Москва и Петербург. Исследуя польский народный сонник, С. Небжеговская-Бартминьская пишет, что «[о]ценка, то есть осознание (и даже восприятие) элементов действительности (окружающего мира) в качестве “хороших” и “плохих” является сутью функционирования сонника как особого жанра и составляет основной принцип, на котором базируется интерпретация образов сновидений» (с. 81); опора на оппозицию «свое – чужое» помогает М.М. Макарецу подробно описать меняющуюся систему ценностей жителей славяноязычного села в условиях «чужого» (иноязычного) окружения. Наконец, как уже отмечалось выше, бинарная оппозиция «свобода – рабство» является одной из ключевых для всех текстов, опубликованных в заключительной части сборника, где речь заходит о лагерях и о лагерной прозе.

Вместе с тем бинарные оппозиции, являющиеся одним из основных методов работ московских семиотиков, конечно, восходят к более ранним их исследованиям, однако не ограничиваются при этом использованием их только Московским семиотическим кругом. Так, обсуждая «аксиологическую семантику» польского исследователя Т. Кшешовского и ее «бинаризм», Е. Бартминьский пишет: «Такая модель, построенная на оппозициях, не является новой в науке. Напротив, она была ядром структуралистского (якобсоновского) бинаризма, эквивалент которого по отношению к культуре путем экстраполяции создал К. Леви-Стросс» (с. 52); далее (с. 53) в этой же статье указываются работы польских этнографов (И. и Р. Томицких) и российских «семиотиков» Вяч.Вс. Иванова, В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян и Н.И. Толстого (интересно, согласился бы сам Н.И. Толстой считать себя семиотиком? – *Е.В.*), продолжающих работу в рамках этой модели.

С другой стороны, в ряде работ сборника очевидно намечается выход за пределы модели бинарных оппозиций (ср. ту же эволюцию – в частности, переход от бинарных оппозиций к тернарным – в поздних работах Ю.М. Лотмана). Так, в статье о лагерной прозе Е. Гинзбург И.А. Седакова пишет следующее: «Оппозиции могут быть контрастными, как черное и белое, как заключение и свобода, а могут иметь более сложные переходные тона, в зависимости от того, с чем сравнивается тот или иной объект» (с. 173) – в терминах Н.С. Трубецкого, оппозиции не обязательно должны быть привативными (бинарными), но могут быть и градуальными.

Как подчеркивает ответственный редактор сборника И.А. Седакова, «важность статей о современной иерархии ценностей, публикуемых в... сборнике, состоит в том, что они отчасти отражают взгляд на ценности в России начала второго десятилетия XXI века» (с. 6). Однако помимо этого сборник дает представление и о ряде исследований семиотической направленности в современной России. Поэтому рецензируемая книга может представлять интерес для исследователей в самых разных областях гуманитарного знания.

Е.В. Вельмезова

Сведения об авторе:

Екатерина Валерьевна Вельмезова
Лозаннский университет